

О. С. Муравьева

ФРАНЦУЗЫ В «ЗЕРКАЛЕ ПОЭЗИИ» ПУШКИНА

«После чумы на Москву напала другая зараза: французолобие, — сетовал Н. Н. Бантыш-Каменский, — много французов и француженок наехало с разных сторон, и нет сомнения, что в их числе были люди очень вредные... <...> Много москвичей <...> были жертвами беспутства...»¹ Эта реплика знаменитого археографа — одно из великого множества суждений, претендующих на то, чтобы определить французский характер и его влияние на русские нравы.

Национальный характер — понятие, в сущности, мифологическое, оно зависит не только от реальных характерологических черт того или иного народа, но и от сопоставления — явного или подсознательного — с другим народом. В начале XIX в. поиск национальной самобытности, как правило, и идет по пути сравнения и противопоставления разных народов².

Франция занимала, как известно, совершенно особое место в русском культурном социуме. На французские обычаи, французские моды, французские этикетные нормы, прежде всего, ориентировалось русское образованное общество. Не забудем, что и объяснялось оно преимущественно на французском языке. Возможно, в порядке определенного реванша за свое положение вечных подражателей, учеников и последовате-

¹ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. Ч. 2. С. 240.

² См.: Строганов М. В. Национальные характеры в творческом сознании Пушкина // Строганов М. В. Литературоведение как человековедение: Работы разных лет. Тверь, 2002. С. 298–299.

лей русские усвоили несколько покровительственный, иронический тон по отношению к французам. В беллетристике, журнальных и газетных статьях складывается шаблонный образ француза как человека галантного, говорливого и крайне легкомысленного³. Пушкину этот утвержденный традицией образ остался совершенно чуждым. По мнению русского поэта, самой примечательной чертой французского характера является «простодушие». Это суждение не было совершенно оригинальным, о «простодушии» «настоящего француза» пишет, например, молодой Жихарев, наверное, повторяющий чьи-то оценки⁴, но Пушкин просто настаивает на такой характеристике, неоднократно возвращаясь к ней в разной связи. В статье 1825 г. «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» он пишет: «Некто справедливо заметил, что простодушие (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа...»⁵ В 1830 г. в «<Набросках статьи о русской литера-

³ Просветительская русская литература второй половины XVIII в. была уже проникнута галлофобским духом. То раздраженные, то насмешливые выпады против французов встречаются и в произведениях Д. И. Фонвизина, и на страницах сатирических журналов Н. И. Новикова. См.: *Основа А. Мосье Бопре: Литературная генеалогия, сюжетная функция // Пушкинский юбилейный. Иерусалим, 1999. С. 79–82.*

⁴ «Французский актер, старик Дюкроаси <...> кажется, настоящий француз de la vieille roche: умен, простодушен, словоохотлив...» (*Жихарев С. П. Записки современника. С. 430*). В. А. Жуковский, находившийся в Париже в мае–июне 1827 г., отметил в своем дневнике: «Французы умеют схватывать смешное и выражать его. Они этим наслаждаются. Мистификация есть важное дело для француза, но он не злостно-насмешлив. У нас десятой части нельзя того сделать, что делают здесь, не быв осмеянным...». Вяземский к этому добавляет: «Француз человек веселый. Русский насмешливый. Француз иногда осмеивает, но потому, что смеется. Русский смеется потому, что он осмеивает» (*Вяземский П. А. По поводу бумаг В. А. Жуковского // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 198*).

⁵ *Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.], 1937–1949. Т. 11.*

туре» Пушкин говорит о «простодушной сатире» французских *trouveurs* (XI, 184). В незаконченном романе «Рославлев» мадам де Сталь называется «славной» женщиной, «столь же добродушной, как и гениальной» (VIII, 150). В 1832 г. в «<Наброске статьи о В. Гюго>» Пушкин вводит новые, но не противоречащие этой характеристике французского характера. Он называет французов народом «anti-поэтическим», «остроумным» и «положительным» (XI, 219). Остроумие в сочетании с положительностью, то есть здравым смыслом, приятием мира, собственно, и есть основа того простодушия и добродушия, которая представляется Пушкину отличительной чертой французского характера.

По мнению современного исследователя, «Пушкин строил мифы национального, но эти мифы были продуктивны на пути “реалистического”, т.е. движущегося к постижению реальности развития литературы»⁶. Рассматривая с этих позиций «французский миф» Пушкина, испытываешь некоторое недоумение и разочарование. Мы знаем, что французы были Пушкину ближе и понятней любого другого народа, знаем его неослабевающий интерес к культурной и политической жизни Франции, его блестящее знание французской литературы, помним множество его суждений и высказываний о Франции и ее народе, но не находим среди героев пушкинских произведений живых и ярких образов французов. Как правило, это третьестепенные персонажи, сопровождаемые беглыми и поверхностными характеристиками. Гувернер юного Онегина «monsieur l'Abbé, француз убогий», слуга и секундант Онегина «француз Гильо» — «честный малый», остряк мосье Трике, который, как «истинный француз», привез куплет Татьяне, слуга-француз Пикар из «Графа Нулина», тот, что «не унывает /

С. 34. (далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома (римскими цифрами) и страниц (арабскими)).

⁶ Струганов М. В. Национальные характеры в творческом сознании Пушкина. С. 320.

И говорит «Allons, courage!», а также любит «подкрепить себя стаканом», губернёр Петруши Гринева *monsieur* Бо-пре («проклятый мусье», как называл его Савельич). Характер пленного француза из неоконченного романа «Рославлев» не раскрывается под углом зрения его национального своеобразия — это просто благородный герой, лишенный какого-то особого французского колорита. То же самое можно сказать и о «ложном» французе — Дубровском, персонаже другого незавершенного романа.

Объяснение, кажется, лежит на поверхности: русский поэт никогда не был во Франции, и его впечатления об этом народе складывались не столько на основании живого общения с несколькими знакомыми французами, сколько на основании печатных источников: французской литературы, историографии, публицистики, газет. Пушкин считал литературу и поэзию вполне достоверным и достаточным материалом для того, чтобы составить представление о национальном характере. В статье «О народности в литературе» он писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу свою особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» (XI, 40). Видимо, однако, на материале литературы и искусства можно составить общие, пусть и очень глубокие и пронизательные, суждения о народе, но «зеркало поэзии» может отражать лишь живые конкретные образы. «Отражение отражения» получается нечетким и неярым.

Личный опыт Пушкина дал ему не много впечатлений от живого общения с французами. Такие впечатления судьба приберегла под конец, ибо случилось так, что человек, разрушивший его жизнь, был именно французом. Его звали Жорж Дантес.

В последние недели перед дуэлью Пушкин, истерзанный гневом, ненавистью и отчаяньем, почти ничего не писал. Единственное законченное его произведение, датированное 1837 г., — «Последний из свойственников Иоанны д'Арк».

Жанр этого небольшого и очень необычного произ-

ведения трудно определить. По форме это журнальная статья Пушкина, посвященная инциденту, в котором были замешаны Вольтер, с одной стороны, и потомок Иоанны д'Арк, некий господин Дюлис, — с другой. Г. Дюлис, ознакомившись с поэмой Вольтера «Орлеанская девственница», был не только глубоко возмущен тоном и содержанием поэмы, но, по праву прямого потомка героини, счел нужным защитить ее честь, вызвав сочинителя на дуэль. «Несмотря на смешную сторону этого дела, — комментирует Пушкин, — Вольтер принял его не в шутку. Он испугался шуму, который мог бы из этого произойти, а может быть, и шпаги щекотливого дворянина...» Далее приводится письмо Вольтера к Дюлису, где писатель отрешивается от авторства «глупой рифмованной хроники», и не забывает напомнить, что он «бедный старик, удрученный болезнями». Пушкин сообщает, что эта переписка была обнаружена в бумагах недавно скончавшегося сына г. Дюлиса и опубликована в английском журнале. В заключение Пушкин приводит комментарий английского журналиста, который крайне резко обвиняет французов в «малодушной неблагодарности» по отношению к их национальной героине и в гневных и брезгливых выражениях характеризует поэму Вольтера, «достойного представителя своего народа». Журналист напоминает, что «Орлеанскую девственницу» во Франции приняли с восторгом. «Никто не вздумал, — пишет он, — заступиться за честь своего отечества; и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот...» «Жалкий век! Жалкий народ!» (XII, 153–155) — восклицает английский журналист, и этим восклицанием заканчивается пушкинская статья.

Она была опубликована в 1837 г. в посмертном номере пушкинского журнала «Современник». Обилие бытовых подробностей, точные даты, обстоятельные сведения о роде Дюлисов, ссылки на английский журнал и т. п. не оставляли сомнений в подлинности этого сюжета.

Лишь через 90 лет в дневнике Александра Тургенева была обнаружена запись от 9 января 1837 г.: «Я зашел к Пушкину; он читал мне свой *pastiche* на Вольтера и на потомка *Jeane d'Arc*»⁷. Исследователи бросились проверять факты и выяснили, что все содержание статьи от начала до конца выдуманно: не существовало никакого г. Дюлиса, никто из «свойственников» Жанны д' Арк не вызывал Вольтера на дуэль, и, разумеется, ни один английский журналист не комментировал вымышленную историю. Вопрос, какую цель преследовала эта мистификация, долгое время не находил даже предположительного ответа. Интересно, что гипотезу, причем независимо друг от друга одну и ту же, высказали не пушкинисты, а писатели — Анна Ахматова и Андрей Битов⁸. В пушкинской статье был угадан глубоко интимный подтекст, связанный с состоянием поэта в последние недели его жизни. Ахматова ограничилась беглым замечанием, что такая связь существует, а Битов попытался доказать, что статья является своеобразной пьесой, где Пушкин-человек выступает в роли Дюлиса, Пушкин-писатель — в роли английского журналиста, а Дантес и его названный отец Геккерен — в роли Вольтера...

Действительно, положение Дюлиса, пытающегося действовать согласно простым и безусловным нравственным нормам в обществе, где нормой давно стали ложь и цинизм, напоминает положение самого Пушкина в преддуэльный период. Но не забудем, что «Орлеанская девственница» Вольтера была любимейшим произведением юного Пушкина; в 1825 г., уже зрелым поэтом, он перевел начало ее первой песни, а в своем «Графе Нулине» заимствовал из нее целый ряд образов и метафор. В статье 1825 г. «О поэзии классической и романтической» Пушкин отвел «Орлеанской девственни-

⁷ Цит. по: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 285.

⁸ См.: *Битов А.* Шпага щекотливого дворянина // Предположение жить. 1836 / Сост. А. Битов; Коммент. М. Н. Виролайнен. М., 1999. С. 40–51. Сообщение о догадке Ахматовой см.: Там же. С. 51.

це» одно из самых почетных мест во французской поэзии XVII—XVIII вв. И главное, под несомненным влиянием Вольтера он написал поэму «Гавриилиада», по степени кощунства вполне соотносимую с «Орлеанской девственницей». Наконец, опасаясь преследований, Пушкин публично отрекся от своей поэмы, так же как Вольтер от своей... В этом контексте конфликт Дюлиса с Вольтером выглядит как конфликт поэта с самим собой. Моралистический подход здесь, конечно, был бы неуместен. Вряд ли Пушкин воспринимал сложившуюся ситуацию как воздаяние за свои грехи. Скорее всего, он остро, как никогда, ощутил противоречие двух жизненных позиций: изящного утонченного цинизма и простодушной прямолинейной порядочности.

Заметим, что самая ситуация, ставшая для поэта роковой, в принципе допускала не трагическое, а ироническое восприятие. В дневнике Пушкина записан один исторический анекдот, предлагающий именно такой вариант развития событий. Князь Потемкин долго домогался благосклонности некой юной графини и, когда добился своего, на радости приказал палить из пушек. «Муж графини, — пишет Пушкин, — человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: “Экое кири ку ку!”» (XII, 173).

Не пытаюсь сейчас разобраться во всех тонкостях этого сюжета, рассмотрим его под интересующим нас углом зрения. Жорж Дантес, человек, которого Пушкин ненавидел так, как ни одного другого человека за всю свою жизнь, в точности соответствовал расхожему и банальному представлению русских о французах. Он был галантным, болтливым, тщеславным и недалеким. Именно эти, в общем, безобидные качества сыграли роковую роль в судьбе поэта. Жизнь, казалось, давала Пушкину жестокий урок, вынуждая пересмотреть его собственное понимание французского характера и согласиться с общепринятым. Поэт ответит на этот вызов, но ответ его будет неожиданным и нетривиальным.

Отсутствие национального колорита у пушкинских героев-французов, возможно, отчасти объясняется тем, что ему трудно было смотреть на них со стороны, так, как, скажем, на немцев или итальянцев. Вполне вероятно, что решающую роль здесь сыграл язык. Известно, что французский язык для Пушкина был вторым родным, недаром в Лицее он получил прозвище «француз». Всю жизнь он не только говорил и писал, но часто и думал по-французски, а следовательно, во многом «по-французски» воспринимал мир. В самой трагической ситуации он не отрекается от «французского» в себе, не поддается искушению противопоставить себя Дантесу по национальному признаку, как это сделали потом многие из его современников и потомков. Напротив, он пытается разобраться в ситуации и в себе самом, идентифицируя себя сразу с двумя французами: знаменитым писателем Вольтером и вымышленным благородным дворянином г. Дюлисом. Придуманый им «добрый и честный» Дюлис, не искушенный в изящной словесности, воплощает в себе то самое «простодушие», которое Пушкин считал отличительной чертой французского национального характера. Реальный Вольтер у Пушкина этой черты совершенно лишен. Видимо, с точки зрения поэта, «образ чувствований» народа проявляется, прежде всего, в людях простых, чей ум и характер не развит богатым философическим и эстетическим опытом, но зато и не отравлен ядом изощренных и имморальных идей. Наивный Дюлис в своем благородном порыве, конечно, несколько смешон. Но и великий Вольтер в своей виртуозной лжи несколько жалок. Пушкин прекрасно знает, как легко бескомпромиссная порядочность может поставить человека в смешное положение, и знает также, как легко эстетическая изощренность может исказить его нравственные ориентиры. Он знает все это по себе.

Гневные инвективы по адресу французского общества, вложенные Пушкиным в уста английского журналиста, Андрей Битов считает скрытым упреком рус-

скому обществу, сделавшему Францию своим кумиром. На мой же взгляд, ни нравочений, ни противопоставлений по национальному признаку здесь нет. Сентенция «Жалкий век! Жалкий народ!» по масштабу обобщения равнозначна заключительным строкам «Полководца»: «О люди! Жалкий род...» (III, 380) и финалу «Скупого рыцаря»: «Ужасный век, ужасные сердца!» (VII, 120). В своем последнем произведении Пушкин не сводил счеты с иностранцами и не упрекал соотечественников. Он проецировал в художественный текст свои глубоко интимные мысли и переживания. Он выдал этот текст за документальный, ибо решал для себя в тот момент грозные проблемы реальной жизни. И решил их он не текстом, а поступком — вызвав Дантеса на дуэль.

Одна из основных особенностей художественного мира Пушкина — смешение реальных и вымышленных лиц и событий. Особенно ярко она проявилась в романе «Евгений Онегин», где друзья поэта и придуманные им герои, исторические и литературные персонажи на равных правах участвуют в едином сюжете. Пушкин и в жизни постоянно примерял различные литературные маски, придумывал какие-то события, выдавая их за подлинные, или, наоборот, переносил в быт ситуации, взятые из литературы. Волшебное взаимодействие разных реальностей в одном сюжете — один из источников магии пушкинского «зеркала поэзии» и самой жизни поэта. Но если такое взаимодействие достигает предельного напряжения, «зеркало поэзии» может разбиться. Так, в последнем пушкинском сюжете участвовало три персонажа из трех разных реальностей, волею судьбы три француза: тот, кто был его учителем и искусителем, тот, кто был для него олицетворением простодушной и надежной порядочности, и тот, кто его убил.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ЗАПАДНЫЙ СБОРНИК

В честь 80-летия
Петра Романовича Заборова

Издательство Пушкинского Дома

Санкт-Петербург, 2011